

дваемые автором земледельческие орудия принадлежат оседлым узбекам и таджикам (6 коллекций), горным таджикам (5 коллекций) и припамирским таджикам (1 коллекция). Описанию орудий труда предшествует обстоятельный разбор литературы по рассматриваемому вопросу, который показывает, что появление данного исследования закономерно и своевременно. Характеристика земледельческих орудий сопровождается сведениями о сезонных работах, об условиях труда, что позволяет осветить вопрос о разделении трудовых процессов между полями.

Статья Т. В. Станюкович «Декоративное убранство жилища восточнославянского населения Казахстана» написана на материалах, собранных автором, а также хранящихся в фондах и архиве МАЭ. Автор стремился «... раскрыть возникшие в результате длительного совместного проживания взаимосвязи и взаимовлияния различных национальных культур, проявившиеся в декоративном убранстве домов переселенцев» (стр. 201). Приводимые в статье примеры убедительно свидетельствуют о проникновении в декоративное искусство восточнославянского населения элементов казахской орнаментики и о заимствовании в свою очередь местными жителями у русских, украинцев, белорусов некоторых черт убранства жилища. Рассматривая вопрос о влиянии городской культуры на декор жилища переселенцев, автор указывает, что все видоизменения в декоративном убранстве жилища происходят в рамках восточнославянских декоративных традиций. С этим выводом нельзя не согласиться.

Особое место в сборнике занимает обстоятельное исследование С. М. Марр, которая дала описание религиозных шиитских мистерий Мохаррам и попыталась проследить их генезис. Отмечая ареал распространения Мохаррама и вскрывая его историческую основу, автор присоединяется к мнению об арабском происхождении шиизма и оспаривает распространенное прежде убеждение о его персидских истоках. Личные наблюдения в Исфагане и Тегеране в 1925 — 1926 гг. позволили С. М. Марр дать подробное и красочное описание религиозного праздника шиитов, которое приобретает значение подлинного документального источника, ибо вскоре после пребывания автора в Иране проведение церемоний Мохаррам было официально запрещено.

В науке высказывалось мнение о связи шиитского культа Али-Хоссейна и культа семитского Таммуза-Адониса (А. Е. Крымский, А. А. Ромаскевич), С. М. Марр поставила перед собой цель — выявить те элементы, которые позволяют видеть в Мохарраме явление гораздо более раннее, чем культ оплакивания мусульманских святых. В некоторых особенностях движения участников процессии автор усматривает проявление пережитков древнего ритуала. Такие элементы в Мохарраме, как плащаница, раки и пр., также не отвечают мусульманским воззрениям.

Серьезное внимание уделено символике траурных знамен и наверший. Автор пытается истолковать треугольную форму знамени, навершия знамен и знамен «алам» и «туг» — с изображением различных древних небесных знаков. В некоторых элементах обрядности Мохаррама, по мнению автора, нашли отражение отдельные черты древнего земледельческого культа (например, культа воды и зерна).

Автор представил много доказательств для обоснования главной идеи статьи: Мохаррам «... как сугубо мусульманский праздник, вышел из глубоких недр народной жизни, вырос на языческой обрядности, воспользовался ее эмблемами, переосмыслил их на свой лад» (стр. 366).

В заключение отметим, что рецензируемый сборник богато иллюстрирован уникальными фотографиями из архива МАЭ, а также зарисовками одежды и чертежами кроя, искусно выполненными художниками З. А. Гиппиус, С. В. Цорн, К. Б. Серебровской. Хотелось бы в последующих изданиях видеть большее число цветных иллюстраций.

Сборник МАЭ «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии» является крупным вкладом советской этнографической науки в изучение этого региона.

М. Н. Серебрякова

Т. А. Тот, Б. В. Фирштейн. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970. 202 стр.

Антропологический материал, представленный в книге, охватывает очень широкий стрекз времени (IV в. до н. э. — IX в. н. э.). Период этот характеризовался исключительно бурными историческими событиями, основной причиной которых была миграция ряда племен из глубин Азиатского континента на запад. Вызванная этим движением цепная реакция переселений вовлекла множество этнических групп, что не могло не изменить существенным образом картину распространения антропологических типов.

В IV в. н. э. гунны достигли Центральной Европы, а в VI в. на территории нынешней Венгрии возникло государство аваров. Как отразились эти события на антропологическом составе населения Карпат?

Еще в начале 1930-х годов и позднее ряд ученых (Л. Бартуц, П. Липтак, И. Немешкери), основываясь на антропологическом материале, указывал на присутствие в этом регионе в эпоху раннего средневековья монголоидных групп. Однако при этом

они исходили из весьма устаревших представлений об антропологических особенностях монголоидов¹.

Венгерский исследователь Т. Тот прошел антропологическую подготовку в СССР и хорошо знаком с работами советских ученых, вклад которых в сравнительное изучение монголоидных и европеоидных групп особенно велик. В написанной им первой части книги пересматривается вопрос о соотношении различных расовых типов Аварского каганата. Автор заново исследовал 1140 черепов (55 серий), большей частью уже опубликованных другими антропологами, по программе, включающей признаки профилированности лица и носовых костей, особенно значимые при разграничении европеоидных и монголоидных вариантов. Материалы, содержащиеся в работе, представляют значительный интерес не только с практической, но и с методической точки зрения (например, приведена и описательная, и измерительная характеристика глубины клыковой ямки на всех изученных черепах).

Для каждой из серий вычислен индекс уплощенности лицевого скелета. Этот показатель, предложенный Г. Ф. Дебецем и впервые примененный в более ранних работах Т. Тота, вычисляется на основе довольно громоздких формул, но сущность его очень проста. Положение группы по каждому признаку определяется процентным отношением разности между данной группой и наиболее «европеоидной» к межгрупповой «европеоидно-монголоидной» амплитуде признака. Затем находят средний процент для 5 лицевых размеров. Разграничительная способность этого индекса очень высока². Мысль о том, что одновременное использование нескольких признаков может оказаться гораздо эффективнее сравнения по каждому признаку в отдельности, послужила, как известно, основой для создания дискриминантного анализа. Но авторы, применявших этот метод, обычно не заботились о выборе признаков: информация увеличивалась исключительно при помощи сложных статистических преобразований, Г. Ф. Дебец пошел по другому пути: основным достижением стал необычайно продуманный подбор признаков, внутригрупповая изменчивость и взаимосвязь которых была бы минимальной, а межгрупповая изменчивость и взаимосвязь — максимальной. Когда такие признаки были обнаружены, надобность в сложных вычислениях отпала сама собой.

Средний индекс уплощенности лица на черепах аварской эпохи из Венгрии составляет 15 единиц, что чуть больше, чем в русской серии, но меньше, чем в украинской. Поэтому Т. Тот приходит к заключению, что в целом доля монголоидных элементов была весьма незначительной. Однако величина индекса колеблется очень сильно. По наблюдению автора, она в среднем тем выше, чем меньше численность серии; это дает основания предполагать, что монголоидный тип в населении каганата был представлен небольшими и достаточно изолированными группами (знать?).

Не все выводы в работе представляются достаточно обоснованными. На стр. 27, например, мы читаем, что «слабая уплощенность лица может и не указывать на отсутствие или незначительность монголоидной примеси» — странное заключение, не подтверждаемое никакими фактами.

Т. Тот, в отличие от своих предшественников, не прибегает к более детальной диагностике, оперируя лишь расовыми признаками «первого порядка». Конечно, это уменьшает вероятность ошибки, но, очевидно, приводит к излишней схематизации³. Поэтому проделанную автором работу следует считать лишь первым, хотя и значительным шагом на пути к воссозданию этно-расовой истории Аварского государства.

Другим крупным племенным союзом, вовлеченным в великое переселение, были сарматы. Их антропологическим особенностям посвящена вторая часть книги, написанная Б. В. Фирштейн. Автор исследовал 159 черепов, а также кости посткраниального скелета из сарматских погребений саратовского Заволжья. В этой наиболее полной из всех антропологических работ о сарматах поднимаются вопросы, остававшиеся до сих пор вне поля зрения исследователей. Материал изучен здесь как в хронологическом, так и в географическом аспектах. Б. В. Фирштейн установила близость сарматских краниологических серий к более ранним савроматским. В результате сопоставления черепов из сарматских могил различных периодов исследователь приходит к выводу об изменении расовых признаков у носителей этой культуры на позднем этапе ее существования. Не менее важным является исследование особенностей антропологического типа сарматов разных районов. Различия обнаружились и при сравнении краниологических серий из погребений разных типов. В целом, однако, сарматы характеризовались одним, довольно своеобразным антропологическим типом, аналогии которому Б. В. Фирштейн находит на Алтае, Тянь-Шане и в Семиречье.

Почти каждый из черепов отнесен в работе к какому-либо типу. Метод этот неоднократно критиковался. Отказ от индивидуальной диагностики в антропологии (теория

¹ См. напр.: P. Lipták, Contributions à l'anthropologie des temps Avars de la région de Kiskörös, «Crania Hungarica», t. I, № 2, 1956, p. 52.

² Г. Ф. Дебец, О путях заселения северной полосы Русской равнины и восточной Прибалтики, «Сов. этнография», 1961, № 6.

³ Интересно, что сам Г. Ф. Дебец считал суммарные подсчеты «европеоидности» и «монголоидности» вчерашним днем советской антропологии (см. Г. Ф. Дебец, Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР, в кн. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968, стр. 20).

адиакритичности, если употреблять термин Кизса) считается иногда неизбежным следствием биологической концепции расы, однако настало, пожалуй, время пересмотреть это представление. Использование современных статистических методов позволяет определять расовую принадлежность индивидуума практически безошибочно⁴. К сожалению, визуальная характеристика не столь надежна. Некоторые из определений в работе Б. В. Фирштейн вызывают сомнения. Череп, имеющий угол выступления носа 21° (рис. 5), сближен с переднеазиатским типом, другой (рис. 1), низколицый, с тенденцией к прогнатизму и носовым индексом 64 («экваториальная» комбинация!) отнесен к «смешанным европеоидно-монголоидным». В распределении типов наблюдается следующая закономерность: андроновский и переднеазиатский типы чаще встречаются среди мужских черепов, тип среднеазиатского междуречья — среди женских. На это уже обращал внимание В. В. Гинзбург, исследовавший узбекскую серию⁵. По его предположению, более сложенные черепа (в большинстве женские) чаще относят к типу среднеазиатского междуречья, а более «матуризованные» (по нашему мнению, правильнее было бы сказать «маскулинизированные») — к переднеазиатскому и андроновскому типам. Это видно из сравнительной таблицы.

Типы	Сарматы (Б. В. Фирштейн)		Узбеки (В. В. Гинзбург)	
	мужские	женские	мужские	женские
Андроновский и переднеазиатский Среднеазиатского междуречья	34 5	12 16	47 24	2 26
Хи-квадрат	12,9		25,6	

В обеих сериях вероятность случайного распределения меньше 1:1000. Очевидно, выбранные диагностические признаки являются не столько расовыми, сколько половыми. Это, конечно, несколько снижает ценность подобных определений, что отмечает и автор.

Очень большой интерес представляет предпринятое Б. В. Фирштейн специальное изучение искусственно деформированных сарматских черепов. Эти черепа преобладают на позднем этапе, они чаще имеют монголоидные особенности в строении лицевого скелета. Автор рассматривает вопрос о влиянии деформации на различные краниологические признаки и привлекает сравнительные данные об искусственно деформированных черепах из других районов.

Отдельная глава посвящена исследованию посткраниального скелета сарматов. Приводятся совершенно новые данные о росте, пропорциях и весе тела (по формулам Дебеца). Все это определяет большую важность проделанной Б. В. Фирштейн работы.

В целом книга представляет собой значительный вклад в антропологическое изучение эпохи великого переселения народов.

А. Г. Козинцев

⁴ V. P. Chopra, I. Schwidetzky, Quantitative Rassensystematik, «Homo», Bd XXI, H. 1, 1970.

⁵ В. В. Гинзбург, Краниологическая характеристика узбеков (по материалам из кладбища Шейхантаур в Ташкенте), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер. т. 82, 1963.

НАРОДЫ СССР

Ю. В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР, М., 1971, 373 стр.

Намеченный XXIV съездом партии глубокий поворот экономики к решению многообразных задач, связанных с повышением благосостояния народа, особенно поднимает роль сельского хозяйства в жизни нашего общества.

Интенсивное развитие этой важнейшей отрасли экономики во многом зависит от решения социальных проблем, затрагивающих в настоящее время более 100 миллионов человек, проживающих в сельской местности.

Ценным вкладом в разработку проблем социального планирования села является рецензируемая книга.